

12 Гетто Вабус

У каждого леса
свой свет

Гелио Вабус

У каждого леса свой свет

«Издательские решения»

Вабус Г.

У каждого леса свой свет / Г. Вабус — «Издательские решения»,

Эта книга родилась из лесных прогулок человека и его собаки. В ней нет готовых ответов — только тишина леса, простые открытия и размышления о дружбе, любви, памяти и жизни, которая продолжается во всём, к чему мы однажды прикоснулись сердцем.

© Вабус Г.

© Издательские решения

У каждого леса свой свет

Гелио Вабус

© Гелио Вабус, 2026

ISBN 978-5-0071-1617-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему псу, верному другу и компаньону — Бурану, посвящается.

Теперь я иду к ясеню — молодому деревцу у тропы, и со мной Буран.

Он ещё молодой, этот ясень, не выше меня, с гибким стволом и листьями, которые легко узнать — каждый листик такой светло-зелёный, такой нежный и трепетный. Я подхожу, кладу ладонь на ствол и чувствую, как он растёт — медленно, по-своему, без спешки.

Я глажу его листья. Гладкие сверху, чуть шершавые снизу. Прохладные даже в жаркий день. Я стою так и чувствую, что не один — где-то рядом, чуть позади и сбоку, там, где обычно оказывался мой верный рыжий ангел.

Я назвал его в честь двух капитанов-исследователей дальнего космоса из мультфильма моего детства — «Тайна третьей планеты». Помните, там были два капитана — каждый со своим кораблём? Они попадали в неизведанные галактики, осваивали неизвестные планеты, сражались с космическими пиратами. Когда щенок появился в моей жизни — крошечный, с глазами, в которых ещё не было ни страха, ни подозрительности, — имя пришло само собой. Мой компаньон.

Он был классическим английским гладкошёрстным фокстерьером. Чёрный, рыжий и белый складывались в симметричную маску на морде и два рыжих пятна на спине — крылья. Из-за них я называл его «мой ангел». Хвост, как положено породе, был купирован, но он умел им сказать всё, что нужно: задирал вверх, когда чем-то увлекался, дрожал мелко-мелко, когда радовался. Вся его эмоциональность помещалась в этом хвосте.

Первые месяцы мы жили в палатке. Была осень, ночи холодные, и он, ещё крошечный, забирался ко мне в спальник и прятался под коленями от холода. Так началась привычка, оставшаяся на всю его жизнь: он поворачивался три раза, как делают собаки, и укладывался под моими коленями. Это было его место. Его способ сказать: я здесь, ты здесь, всё в порядке.

Он прошёл со мною через всё — через переезд, через стройку, через зимы, через войну, когда земля под ногами дрожала от разрывов. Мы тогда лежали на лежанке у стены, он прижимался ко мне всем телом, прятал нос в подмышку, как щенок, ищущий тепло, чтобы укрыться от мира, который стал слишком большим и страшным. Я гладил его по шее, чувствуя, как дрожит каждая его мышца, и старался не показать, что дрожу вместе с ним.

Он прошёл со мною через всё — через переезд, через стройку, через зимы...

Я вспоминаю наши прогулки. Их было множество — утренних и вечерних. Мы ходили в старые смешанные посадки рядом с домом. Я шёл без цели между стволами, смотрел под ноги, трогал кору. Буран шёл рядом. И на этих прогулках, шаг за шагом, без всякого плана, во мне стали складываться мысли, которые я раньше не мог бы выразить ни одним словом. Лес говорил. Я слушал. А Буран просто был — и этого хватало, чтобы я наконец услышал.

Среди сосен меня однажды остановило дерево, которого здесь, казалось, быть не должно. Вроде дуб, но листья — длинные, острые, будто вырезанные ножом. Я подошёл ближе и увидел на земле жёлуди. Красный дуб. Североамериканский вид, завезённый сюда человеком, но чувствующий себя так, словно рос здесь всегда.

Я поднял один жёлудь. Буран тут же подсунил морду — что это? Понюхал, решил, что несъедобно, и переключился на мышинный след у корней. Хвост мелко задрожал — след был свежий.

Я долго вертел жёлудь в пальцах и поймал себя на странной мысли: почему я совершенно уверен, что это дуб? Человек не видит дерева внутри семени. Если расколоть жёлудь, внутри окажется только мягкое ядро. И всё же никто не скажет: «возможно, из него вырастет дуб». Мы говорим иначе: «это жёлудь дуба» — будто дерево уже есть.

Наверное, в этот момент я впервые по-настоящему понял слово, придуманное Аристотелем больше двух тысяч лет назад: «энтелехия», — внутренняя цель, которая находится не снаружи, а внутри самой вещи — то, по чему жёлудь становится дубом, а дуб становится дубом, а не сосной. Не план, который кто-то задумал. Дуб ещё не вырос, но он уже есть. Внутри.

Буран копал лапкой у корней — увлечённо и технично, как умеют фокстерьеры, в которых веками воспитывали страсть к раскопке нор. Песок летел между задних лап, уши прижались от усердия. Никто не учил его копать. Он рождён с этим внутри — так же, как жёлудь рождён быть дубом.

Я присел рядом. Вокруг валялись десятки желудей, тронутых мышами. Буран обследовал территорию, водя носом по дугам, как радаром, потом вернулся, сел и посмотрел: ну что, идём? А я думал: почему именно этот жёлудь станет дубом, а соседний — нет? Случайность при ближайшем взгляде оказывается составлена из множества маленьких причин. Одному семени досталось чуть больше влаги, другое упало на песок, третье съел кабан. Судьба дерева рождается не только внутри него самого — она рождается во встрече семени и почвы, корня и воды, листа и света.

Ни одно дерево не растёт само. Даже то, что стоит одиноко посреди поля, выросло благодаря дождю, ветру, почве, грибам, насекомым, птицам. Мы любим истории о людях, которые «сделали себя сами» — они красиво звучат, только в природе таких историй нет. Дуб стал собой потому, что однажды мир ответил на его внутреннюю возможность.

И тогда я поймал мысль, что уже несколько дней не давала покоя: а что, если любовь — вовсе не чувство? Что, если это та среда, в которой скрытая полнота получает право стать жизнью?

Здесь мне вспомнился психолог Гарри Харлоу и его опыт, перевернувший когда-то само понимание любви. Он отнимал детёнышей макаков у матерей и сажал в клетку с двумя «заменителями»: одна — холодная проволока с бутылочкой молока; другая — мягкая ткань, без еды. Казалось бы, малыш должен лхнуть к тому, что кормит. Но он бежал к проволочной матери лишь поесть — и тут же возвращался, прижимался к тканевой. А когда в клетку врывалось что-то пугающее, прятался не у той, что давала пищу, — у той, что давала тепло.

Те детёныши, что были лишены этого тепла дольше других, после вырастали неспособными ни доверять, ни играть, ни строить отношения. Что-то очень важное в них просто не успело начаться.

Я не берусь судить о цене этих экспериментов — мне трудно даже думать о них надолго, и я бы никогда не смог так поступить ни с одним живым существом. Бурана я ни разу в жизни не обидел — ни рукой, ни голосом, ни даже взглядом, потому что это было бы немыслимо: поднять что-либо на того, кто доверяет тебе целиком.

Но правда, которая в этих опытах осталась, проста и неотменима: живое существо нуждается не столько в еде, сколько в среде — в той, что отвечает на его внутреннюю полноту теплом, а не расчётом.

Если положить жёлудь в ящик стола, он долго будет выглядеть совершенно нормальным. Скорлупа останется крепкой, форма прежней. Только дубом он уже никогда не станет — не потому, что в нём чего-то не хватало, а потому, что рядом не оказалось того, без чего жизнь не умеет раскрываться.

Мы редко замечаем особенность нашего языка: когда ребёнок рождается, мы говорим «он растёт»; когда человек становится мудрее — «он вырос». Мы говорим о корнях, о плодах, о древе жизни, хотя речь о личности. Возможно, предки заметили то, что мы забыли: жизнь повсюду начинается с доверия к среде. Семя доверяет земле, птенец — гнезду, ребёнок — материнским рукам. И только потом начинается рост. Лес кормит дерево, которое ещё ничего ему не дало, десятилетиями — и лишь потом оно начинает возвращать миру то, что получило.

Буран, конечно, не слушал моих размышлений. Он совершил обход кустов, нашёл чей-то след и увлёкся настолько, что забыл обо мне. В тот момент он был не ангелом, а настоящим охотником — сосредоточенным, совершенно счастливым в своём деле. Существо, которое живёт не мыслями о себе, а самим собой. Поэтому ему не нужно ничего доказывать.

Я долго сидел под дубом. Ветер проходил по верхушкам сосен, и весь лес начинал звучать, будто где-то надо мной шумело море. Буран лежал рядом, положив морду на лапы — к десяти годам он научился терпеть мои остановки, хотя энергия фокстерьера требует действия. Хвост лежал неподвижно. Но стоило мне пошевелиться — он мгновенно вскакивал и спрашивал глазами: куда?

Я поднялся, пошёл дальше, но споткнулся о корень в листве. Меня будто встряхнуло: я вдруг осознал, что всё это время смотрел только на дерево, а настоящий герой леса скрыт под землёй. Мы фотографируем кроны, гладим кору, измеряем возраст по кольцам — но это лишь половина дерева. Вторая спрятана в темноте. Корни первыми чувствуют воду, первыми держат дерево во время бури, каждый день делают работу, без которой не появится ни один лист. Кстати, и жёлудь первым выпускает именно корень.

Жизнь вообще любит прятать самое важное: сердце за рёбрами, ребёнок в утробе, семя под землёй, звёзды — в тёмных газовых облаках. А мы смотрим только на то, что уже на поверхности.

Я остановился у места, где ветер когда-то выворотил старую сосну. Корневище торчало вверх, переплетённое с глиной и мхом. Корни оказались совсем не такими, какими я представлял в детстве: не один стержень, а целый мир тонких ответвлений, которые всё время ощупывают землю вокруг. Дерево не завоёвывало — оно искало: воду, минералы, другие корни. Где заканчивается дерево? Мы привыкли думать — там, где кончается кора. Но это не так. Оно продолжается в почве, в грибнице, в дождевой воде, которая через несколько дней станет его соком, в солнечном луче, который через листья станет древесиной. Чем дольше смотришь на лес, тем труднее провести границу между одним существом и другим. Жизнь всё время выходит за собственные пределы — течёт, переходит, соединяет. Может быть, поэтому человеку так трудно быть счастливым в одиночку: не потому, что он слаб, а потому, что сама природа жизни внутри нас ищет связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.